18+

Лиза Вэллс

Тот, кто зажёг свет

Лиза Вэллс

Тот, кто зажёг свет

«Издательские решения»

Вэллс Л.

Тот, кто зажёг свет / Л. Вэллс — «Издательские решения»,

После смерти матери Надя бросает в море письмо — отчаянное, горькое, адресованное в никуда. Через две недели бутылка возвращается.Незнакомец с другого берега знает её боль. Он пишет о море, о свечах на старом маяке, о том, что она не одна. Надя влюбляется в его письма, в его голос, которого никогда не слышала. Она верит, что он существует. И однажды решается приплыть к нему — через шторм, через страх, через невозможное.Но маяк встречает её тишиной. И вопросами, на которые нет ответов.

© Вэллс Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Тот, кто зажёг свет

Лиза Вэллс

© Лиза Вэллс, 2026

ISBN 978-5-0070-1959-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Море вздымалось тяжёлой, свинцовой грудью, срывало пену с гребней и швыряло её в лицо Наде. Ветер забивался под куртку, лез в рукава, выстужал спину. Холодно. Так холодно, что кости ныли.

Но Надя стояла.

Она пришла сюда прямо с кладбища. Не переодеваясь. В чёрном платье, которое мать купила ей на выпускной, а теперь оно стало главным элементом траура. Туфли увязли в мокром песке. Волосы слиплись в сосульки и хлестали по щекам.

Она ничего не чувствовала, кроме пустоты.

— Ты обещала, — сказала Надя ветру. — Ты обещала всегда быть рядом. Надя разжала кулак. В ладони — скомканный лист в клетку. Она писала его в машине, пока везли гроб. Сначала хотела порвать. Потом — сжечь. А потом поняла, что это письмо должно попасть в то место, которое мама любила.

Она развернула лист. Почерк дрожал, капли слез мешали прочитать некоторые слова.

«Мама. Я не знаю, кто это прочитает. Но если есть кто-то там, за горизонтом — скажи ей, что я её не виню. Скажи, что я держусь. И что её чашка с чаем всё ещё стоит на кухне. Я не могу её убрать. Пожалуйста, пусть у неё там будет тепло. Пусть она не боится. А я… я как-нибудь сама. Люблю. Очень. До моря. До самого дна.»

Она не подписалась. Зачем? Мать и так узнает этот почерк.

— Ты не вернешься, — сказала она морю. — Я знаю. Но если вдруг…

Она не договорила.

Шторм ударил в берег. Волна лизнула её туфли.

Надя размахнулась и бросила скомканный лист бумаги в темноту.

Тот упала в воду — жалко, нелепо, почти обидно. Волна подхватила его, покрутила, отбросила к камням. На мгновение Наде показалось, что сейчас письмо вернётся. И останется лежать на песке, как непрочитанный диагноз.

Но волна взяла своё.

Лист намок и медленно ушел под воду.

Надя стояла и смотрела на то место, где только что что-то белело на гребне. Потом опустилась на корточки. Обхватила колени руками. Ей было плевать на холод, на ветер, на то, что платье промокло насквозь.

— Ты дура, Надя, — сказала она себе. — чудес не существует. Его никто не прочитает.

Она заплакала.

Слёзы смешались с солёными брызгами, и было уже не понять — где море, а где она сама.

Глава 1

Через две недели Надя перестала смотреть на горизонт.

Она решила, что это глупо — стоять на берегу и ждать, пока море ответит на письмо, которое ты написала в приступе отчаяния. Море не почтальон. Оно вообще ничего никому не должно.

Она ходила на работу. Вечером включала телевизор, чтобы в комнате был голос. Не свой. Не мамин. Чужой.

Надя жила одна. Возле моря, в доме, который очень любила ее мама. Теперь эта память давила мертвым грузом на сердце, но переезжать Надя не хотела и не могла.

Надя закрылась в комнате, надела наушники — самые старые, «Электроника» с поролоновыми амбушюрами — и включила группу, которую терпеть не могла. Она делала это специально. Чтобы раздражаться. Чтобы злиться. Потому что злость была лучше, чем пустота. Пустота слишком томила, она заставляла думать о маме, о жизни, о смерти. Она заставляла думать. Думать, что теперь, без мамы Надя совсем другая.

Гитара завывала. Басист отбивал ритм, похожий на сердцебиение. Девушка закрыла глаза.

И ничего не почувствовала.

Так и уснула с наушниками и ненавистной группой в ушах. Утром Надя проснулась рано, в свой единственный выходной, она собиралась не вставать как можно дольше. Или вообще не вставать. Спать. И не думать ни о чем.

Но тело решило иначе. Девушка встала, когда солнце только вставало, поднимаясь над городом.

Девушка вышла на кухню. Босая, в ночнушке. Она заварила чай и села за стол, медленно поднося чашку к губам.

Чай был горьким. Она забыла положить сахар. Или не захотела.

Надя сидела, сжимая ладонями горячую кружку, и смотрела в окно. За стеклом — серое, ещё не проснувшееся небо. Море у горизонта сливалось с туманом, и нельзя было понять, где кончается вода и начинается пустота.

Она допила чай. Поставила чашку на стол — мамину чашку, с отколотым краем. Плесень внутри давно высохла, превратилась в бурую корку. Надя провела по ней пальцем. Не выбросила.

Потом, сама не зная зачем, натянула старую кофту, сунула ноги в резиновые сапоги — мамины, на два размера больше — и вышла на улицу.

Воздух ударил в лицо сыростью, солью, холодом. Туман оседал на коже мелкими каплями, как чужие слёзы.

Она не планировала идти к морю. Ноги понесли сами.

Тропинка за домом вела к обрыву, потом спускалась к гальке. Надя шла медленно, ступая по мокрой траве, вдыхая запах водорослей и гниющих досок — запах, который мама называла «вкусом свободы». Тогда Надя смеялась. Теперь не смеялось ничто.

Берег встретил её тишиной.

Волн почти не было. Море лежало тяжёлое, маслянистое, усталое — как зверь, который всю ночь метался в клетке, а к утру обессилел. Галька влажно хрустела под сапогами. Где-то далеко кричала чайка — надрывно, тоскливо, словно звала кого-то, кто уже не ответит.

Надя остановилась у самой воды.

И увидела бутылку.

Она лежала на полосе мокрого песка, прямо у кромки прибоя — там, куда волна доползает и тут же уползает обратно. Обычная пластиковая бутылка. Старая. С облезлой этикеткой.

Что-то белело внутри.

Сердце Нади пропустило удар.

Она не побежала. Почему-то стало страшно спугнуть это мгновение — как будто бутылка могла раствориться в тумане, если подойти слишком быстро. Надя подошла медленно. Наклонилась. Подняла.

Пластик был холодным, скользким, покрытым тонкой плёнкой соли.

Она вытащила пробку. Перевернула.

На ладонь выскользнул сложенный вчетверо лист — не её, не тот, который она бросила в море две недели назад. Другой. Из плотной, чуть пожелтевшей бумаги.

Пальцы дрожали, когда она разворачивала его.

Почерк был чужим — аккуратным, почти старомодным, с нажимом, будто тот, кто писал, очень старался, чтобы каждая буква была понятной.

И мир вокруг — тяжёлое море, серая пелена у горизонта, хриплый крик чайки — вдруг замер.

Потому что первая строка письма была:

«Спасибо, что поделилась. Я уверен, твоя мама простила тебя уже давно. Я знаю, как это сложно, какое это тяжелое чувство-терять близких.»

Надя прочитала эти слова трижды. Потом подняла глаза на море.

Она сунула письмо в карман кофты и пошла обратно к дому.

Сапоги скользили по мокрой гальке.

Ветер утих совсем.

И почему-то впервые за две недели Надя не чувствовала себя одиноко.

Но на полпути она остановилась.

Что-то щёлкнуло внутри — не в голове, а глубже, где-то в груди, там, где последние две недели было только пусто. Словно маленькая искра, которую она не замечала, вдруг дала свет.

Она развернулась.

Море лежало перед ней — серое, тяжёлое, без единого просвета. Туман клубился над водой, и горизонт исчез окончательно, словно его никогда и не было.

Надя достала письмо. Перечитала последнюю строчку.

Она села прямо на холодный песок. Достала из кармана кофты ручку — шариковую, дешёвую, которой заполняла накладные на работе. Другой бумаги не было. Тогда она развернула письмо незнакомца — на обратной стороне, там, где не было строчек.

И написала:

«Ты кто? Как ты нашел мое письмо?»

Она хотела добавить что-то злое. Колкое. Типа «не лезь в чужую боль». Но ручка замерла.

Потому что, если честно, эта боль уже не была только её.

Она сложила лист и засунула в пустую бутылку. Ту самую, что принесло море. Пластик всё ещё хранил холод утренней воды.

— Ну, — сказала Надя, глядя на горизонт. — Посмотрим, кто ты такой.

Она размахнулась.

Бутылка взлетела, описала дугу и шлёпнулась в воду у самого берега. Волна подхватила её, покрутила — и понесла прочь.

Надя смотрела, как белая точка тает в тумане.

Прошло пять минут. Десять.

Она замёрзла. Сапоги промокли. Пальцы посинели.

Но она не уходила.

И тогда — Надя поклялась бы себе, что это правда — туман на мгновение стал тоньше. Там, за линией прибоя, будто кто-то зажёг спичку. Маленький, тёплый, невозможный огонёк.

Он погас так же быстро, как появился.

Но Надя его видела.

— Это ты? — спросила она.

Надя встала, отряхнула песок с джинсов и пошла домой. Внутри неё больше не было пустоты. Там, где зияла дыра, теперь что-то теплилось. Слабое. Нелепое. Почти смешное.

Надежда.

Она не знала, получит ли ответ. Не знала, кто тот, кто написал ей. Может, сумасшедший. Может, дух. Может, какая-то глупая шутка от соседских мальчишек.

Утром она снова пошла на берег.

Бутылка лежала на том же месте.

Внутри — новое письмо.

И сердце Нади забилось так громко, что, казалось, его услышало всё море.

Глава 2

Она схватила бутылку раньше, чем успела подумать.

Пальцы дрожали — она сорвала пробку, вытряхнула содержимое на ладонь. Бумага была другой. Не жёлтой, как в прошлый раз, а белой, плотной, сложенной в треугольник, как в старых фильмах про войну.

Надя развернула лист.

Почерк — тот же. Аккуратный, с нажимом. Но теперь он показался ей увереннее. Словно за одну ночь тот, кто писал, успел повзрослеть.

«Ты спросила, кто я.

Меня зовут Андрей. Мне двадцать. Я живу на другом берегу — там, где море всегда холоднее, а туманы стоят месяцами. Ты спросила, как я нашёл твоё письмо. Честно? Я сам не знаю. Я просто гулял по берегу — и увидел бутылку. Она лежала на песке, как будто ждала именно меня.

Когда я прочитал твои строки — про маму, про тепло, — у меня замерло сердце. Я знаю это чувство. Потерять того, кого любишь больше жизни.

Я не буду врать: у меня нет ответов. Я не знаю, почему море принесло твоё письмо именно мне. Но я хочу, чтобы ты знала: ты не одна.

Если хочешь — пиши. Если нет — я пойму. Бутылка останется здесь. Я буду приходить и проверять.

Андрей.»

Надя перечитала последнюю строчку трижды.

Она посмотрела на море. Туман рассеивался, но горизонт оставался пустым — ни лодки, ни корабля, ни чайки. Только вода. Бесконечная, серая, терпеливая.

— Андрей, — тихо произнесла Надя.

Имя обожгло губы — тёплое, чужое, но почему-то родное. Она не знала ни одного Андрея. Ни на работе, ни среди редких знакомых. Имя пришло из ниоткуда — и сразу стало своим.

Домой она не бежала. Шла медленно, держа бутылку в руках, как хрупкую вещь, которую можно разбить одним неосторожным движением.

В прихожей скинула сапоги, прошлёпала на кухню, села за стол.

— Ты бы хотел, чтобы я ответила? — спросила она у пустоты.

Пустота молчала.

Но внутри Нади что-то тихо щёлкнуло — как замок, который наконец открыли правильным ключом.

Она достала из ящика старую тетрадь. Чистых листов почти не осталось. Надя вырвала последний.

Ручка дрожала в пальцах.

Она написала:

«Андрей.

У нас сейчас утро. Солнце только встало. Море спокойное — такое тихое, будто никогда не штормит. Хотя прошлой ночью оно выло так, что стёкла дрожали.

Я не знаю, кто ты. Я не знаю, зачем ты мне пишешь. Но я прочитала твоё письмо семь раз. И каждый раз мне становилось чуть меньше страшно.

Мама всегда говорила, что море приносит то, что тебе нужно. Я не верила. А теперь не знаю.

Расскажи о себе? Мне сложно поверить, что ты существуешь.

Но если это сон — пусть он не заканчивается.

Надя.»

Она сложила лист, засунула в бутылку — ту самую, старую, с облезлой этикеткой. Завинтила крышку. Подержала в ладонях.

Потом положила на стол и подошла к своему ноутбуку. Ввела в поисковой строке адрес своего дома. И вбила вопрос: «что за морем?»

Ответ заставил Надю дрогнуть, но не оторваться от экрана: «По ту сторону моря находится пустынный остров, по данным географов, сейчас на нем нет ни одной живой души.

Надя развернула письмо и дописала внизу строчку: *«Где ты живешь?»*

Бутылка стала её телефоном. Её дневником. Её единственной ниточкой к человеку, которого она никогда не видела.

Надя вышла на рыльцо.

Солнце уже поднялось выше, туман почти рассеялся. Море переливалось серым шёлком — гладкое, спокойное, обманчиво-доброе.

Она размахнулась и бросила бутылку. Казалось, что та не долетит и разобьется о землю. Но бутылка упала в воду, качнулась, нырнула под волну — и вынырнула уже дальше, уносясь прочь.

Надя стояла и смотрела ей вслед.

Ветер трепал волосы.

Она пошла в дом, налила себе ещё чаю — уже с сахаром — и села у окна.

Ждать.

Письмо.

И человек на другом конце.

Которого, возможно, не существовало.

Глава 3

Утром в понедельник будильник зазвенел в половине седьмого.

Надя не выспалась. Она ворочалась всю ночь, прокручивая в голове строчки из письма Андрея, перечитывая их в памяти, как заклинание. «Ты не одна». Три слова, которые грели всю ночь, а к утру превратились в холодную тяжесть на дне груди.

Потому что утром нужно было вставать. Идти на работу. Улыбаться. Делать вид, что всё в порядке.

Она натянула джинсы, свитер, который мама связала три года назад — теперь слишком большой, мешковатый, висящий на плечах, как чужая одежда. Волосы собрала в хвост. В зеркало не смотрелась. Знала, что увидит там чужую девятнадцатилетнюю девочку с потухшими глазами.

Работа находилась в пятнадцати минутах ходьбы от дома — маленький книжный магазин на первой линии, между сувенирной лавкой и закрытой кофейней. «Буква», назывался. Когда-то здесь было уютно: пахло бумагой, кофе и тишиной. Теперь пахло пылью, сыростью и чужими непроданными историями.

Надя работала продавцом. Стояла за кассой, протирала пыль с обложек, расставляла новинки, которые никто не покупал, и говорила «посмотрите, у нас сегодня скидка на детективы» голосом, который звучал так, будто его записали на диктофон и поставили на повтор.

Она любила книги. Когда-то. До мамы. Теперь буквы сливались в серые строчки, а чужие счастливые финалы казались насмешкой.

— Надя, ты слышишь меня? — Голос хозяйки, Светланы Петровны, пробился сквозь белую пелену перед глазами.

— А? Да, извините.

— Я говорю, зака пришёл. Коробки в подсобке. Надо распаковать, проверить накладные, расставить.

— Хорошо.

Надя пошла в подсобку. Взяла канцелярский нож, вскрыла первую коробку. Внутри — новинки, заказанные ещё три месяца назад. Тогда казалось, что они разлетятся как горячие пирожки. Теперь они лежали плотной стопкой — никому не нужные.

Она достала книгу. Открыла на первой странице.

«Посвящается тем, кто ищет свет в конце тоннеля».

Надя захлопнула книгу.

В глазах защипало.

Она поставила книгу на стеллаж, взяла следующую. Потом следующую. Сто двадцать три штуки. Сто двадцать три чужих истории о любви, потерях и надежде. Ни одна не была похожа на её.

И ни одна не давала ответов.

Она работала молча. Стеллаж за стеллажом. Полка за полкой. «Бестселлеры» — сбоку. «Классика» — слева. «Подростковая проза» — в самом дальнем углу, где почти никто не ходит.

В обед — ровно в час — в магазин зашла единственная покупательница. Женщина лет пятидесяти, с усталыми глазами, выбрала детектив с яркой обложкой. Надя пробила чек, взяла купюру, дала сдачу.

— Хорошего вечера, — сказала она.

— И вам, — ответила женщина и вышла.

Звякнул колокольчик на двери.

И снова тишина.

Надя села на табурет за кассой. Достала бутерброд с сыром (не хотелось есть, но нужно), открыла телефон.

Почта — пусто. Соцсети — лица подруг. Фотографии чужих счастливых жизней: море, кофе, закаты, чьи-то руки, сжимающие чужое запястье.

Надя закрыла телефон.

Она подумала о том, что у неё нет фотографии Андрея. И не будет. Как можно сфотографировать того, кто живёт на пустынном острове, которого не существует на картах?

«По ту сторону моря находится пустынный остров. На нем нет ни одной живой души».

Надя сжала бутерброд так, что сыр вылез из хлеба.

— С ума схожу, — прошептала она.

Светлана Петровна выглянула из-за стеллажа:

— Ты что-то сказала?

— Нет. Всё нормально.

— Лицо у тебя не нормальное. Бледная. Ты ешь вообще? Или опять романы читаешь вместо обеда?

— Ем. Читаю. Всё в порядке.

— Не похоже, — хозяйка покачала головой и скрылась за дверью подсобки.

Надя смотрела на стеллажи. Тысячи книг. Тысячи чужих голосов. Тысячи людей, которые написали свои истории, потому что боялись молчать.

А она молчала.

Единственный голос, который она хотела услышать, был там. За морем. Или не был.

Вечером, после смены, Надя закрыла магазин — проверила замки, выключила свет, повесила табличку «Закрыто» — и пошла домой той же дорогой. Те же дома. Те же фонари, которые только начинали зажигаться. Те же редкие прохожие, которые не замечали её — и она не замечала их.

Она зашла в дом. Скинула кеды. Прошла на кухню.

И сразу — к окну.

Море было серым. Спокойным. Равнодушным.

Бутылки на крыльце не было.

Надя выдохнула. Не разочарованно — просто пусто. Как будто внутри неё выключили свет.

Она заварила чай. Села за стол. Достала из ящика новую тетрадь — купила в канцелярском рядом с работой, самую дешёвую, в серой обложке. Открыла чистый лист.

И не знала, что писать.

Надя положила ручку.

— Что ты делаешь со мной, Андрей? — спросила она у темноты за окном.

Темнота не ответила.

Но через час — ровно через час, когда Надя уже почти заснула в кресле, — раздался стук в дверь.

Она подскочила.

Рванула к двери, распахнула.

Никого.

Только на пороге — бутылка. Пластиковая. Новая. С пробкой, которая даже не успела намокнуть.

Внутри — письмо.

Надя схватила его, развернула дрожащими пальцами.

Почерк — торопливый, неровный, почти неразборчивый. Будто Андрей боялся не успеть.

«Надя.

Я живу на берегу, где море целует скалы. Где нет ни одного магазина, ни одной дороги, ни одного человека, кроме меня.

Ты спросила, существую ли я. Не знаю, как тебе ответить. Я чувствую ветер. Я вижу звёзды. Я держу в руках твои письма. Значит, существую.

Но если я тебе только снюсь — тогда мы снимся друг другу одновременно. И это, наверное, самое красивое, что случалось со мной за последние три года.

Андрей.

P.S. Я сделал для тебя фотографию своего берега. Проявил на плёнку, как в старые времена. Положил в бутылку. Посмотри. Там есть маяк. Он не работает. Но я каждый вечер зажигаю на нём свечу. Чтобы ты знала: я здесь.»

Надя запустила руку в бутылку — и достала маленький, потрёпанный кусочек фотобумаги.

Чёрно-белое. Неровное. С засветами по краям.

Но на нём было море. Скалы. И старый маяк на самом краю земли. А в крошечном окошке маяка — маленькая тёплая точка.

Свеча.

Надя прижала фотографию к груди.

Потом подошла к окну, посмотрела на море — серое, бесконечное, чужое.

Где-то там, за горизонтом, горел свет.

И кто-то ждал её ответа.

— Я тоже здесь, — прошептала Надя в темноту. — Я тоже.

Она села за стол.

Ручка больше не дрожала.

На чистом листе она написала всего одну строчку:

«Андрей, я хочу тебя увидеть. Давай познакомимся… Я имею ввиду, как дети в песочнице. Давай дружить? Давай говорить о всяком бреде. Например, я люблю романы читать..»

Она сложила лист, засунула в бутылку, вышла на крыльцо и бросила в море.

Свеча на маяке горела всю ночь.

Она это знала.

Глава 4

Ответ пришёл на следующий день.

Надя не ждала его так быстро — она привыкла, что между письмами проходят дни, иногда два, иногда три. Но в среду утром, выходя на работу, она споткнулась о бутылку, которая лежала прямо на пороге, прижатая камнем.

Пластик был сухим. Словно бутылку кто-то поставил сюда руками, а не принесло море.

Надя оглянулась. Вокруг — ни души. Только чайка на крыше соседнего дома смотрела на неё с укором.

Она схватила бутылку, вытащила письмо — и замерла.

Почерк был другим. Не торопливым и неровным, как в прошлый раз, а спокойным, почти красивым. Андрей явно старался. На полях — маленький нарисованный маяк, такой же, как на фотографии.

«Надя.

Ты предложила дружить. Как дети в песочнице. Я даже помню, как это делается — кажется, нужно предложить друг другу игрушку или поделиться печеньем. У меня нет игрушек. И печенья тоже нет. Есть только море, маяк и бесконечное время.

Но я попробую.

Здравствуй. Меня зовут Андрей. Мне двадцать лет. Моя любимая еда — картошка, запечённая в костре. Моя любимая книга — «Два капитана», потому что там тоже есть море и ожидание. Я боюсь собак (глупо, правда?). И я очень давно не разговаривал с живым человеком.

А ты? Ты сказала, что любишь читать романы. Какие? Твои любимые книги пахнут так же, как старые страницы в твоём магазине?

Расскажи что-нибудь обычное. Про свой день. Про то, какой сегодня ветер. Про чай, который ты пьёшь из маминой чашки.

Я хочу знать всё. Даже самое скучное. Потому что для меня сейчас нет ничего скучного. Есть только ты и это странное чудо — бутылка, которая приплывает ниоткуда.

Давай дружить, Надя.

Андрей.

P.S. На маяке сегодня ветрено. Свеча горела три часа, пока я писал тебе. Я смотрел на огонь и думал: интересно, она сейчас смотрит на море или спит?»

Надя перечитала письмо три раза. Потом — четвёртый. На пятый раз она заметила маленькую приписку на обратной стороне, почти у самого края:

«И ещё. Спасибо, что написала про книги. Я и забыл, как они пахнут. А теперь вспомнил.»

В горле запершило.

Она сунула письмо в карман джинсов — туда, где оно бы грело её весь день — и пошла на работу.

В книжном всё было по-старому. Пыльные стеллажи. Тишина. Светлана Петровна, которая с утра уже успела поругаться с поставщиком.

— Опять опоздала на пять минут, — буркнула хозяйка, даже не подняв головы.

— Простите. Будильник подвёл.

Надя не стала объяснять, что её задержала бутылка на пороге. И что она простояла на крыльце десять минут, перечитывая детские слова про песочницу и собак.

Она зашла за кассу, включила терминал. И весь день ловила себя на мысли, что пальцы сами тянутся к карману — проверить, на месте ли письмо.

В одиннадцать утра зашла девушка с красным рюкзаком. Выбрала роман какой-то современной писательницы, расплатилась картой.

— Хороший выбор, — сказала Надя автоматически.

Девушка улыбнулась. Надя не запомнила её лица.

В час дня она съела бутерброд (снова без аппетита), достала телефон и вместо соцсетей открыла заметки. И начала писать ответ.

Не на бумаге — просто так, черновик, чтобы не забыть.

«Здравствуй, Андрей. Я тоже боюсь собак. И грозы. Но это не главное. Ты спросил про книги. Я люблю, когда в конце все остаются живы. Раньше я смеялась над счастливыми финалами, думала, это глупо. Теперь мне кажется, что без них никак. Иначе зачем тогда всё?

В моём магазине пахнет пылью, старой бумагой и ещё — чужими жизнями. Иногда мне кажется, что книги молчат специально. Ждут, когда кто-то откроет и оживит их.

Сегодня ветер слабый. Море почти не шевелится. Я пишу тебе сейчас, сидя за кассой, и думаю: а что, если ты тоже сидишь где-то на своём берегу и думаешь обо мне? Это глупо, да?

Но я хочу познакомиться. Настоящим образом. Не только через письма.

Как это сделать — я не знаю. Но может, ты придумаешь?

Надя.

P.S. Мамина чашка всё ещё на подоконнике. Я пью из неё каждое утро. И каждый раз говорю маме «доброе утро». Наверное, ты скажешь, что я схожу с ума. Пусть.»

Вечером, после работы, Надя пошла домой не обычной дорогой, а вдоль берега.

Волны набегали на песок — ленивые, сонные. Где-то далеко, за линией горизонта, должно было быть то самое место. Берег Андрея. Скалы. Маяк, на котором по ночам горит свеча.

Она шла и смотрела вдаль.

И вдруг — остановилась.

Потому что на мокром песке, прямо у кромки воды, кто-то нарисовал палкой маленький маяк. Круглый, с огоньком на верхушке.

Рядом — буква «А».

Надя оглянулась. Берег был пуст.

— Эй! — крикнула она. — Есть кто?

Тишина. Только чайки, которые визжали где-то над скалами.

Она опустилась на корточки, провела пальцами по рисунку. Песок был влажным, холодным — и совсем свежим. Будто его нарисовали минуту назад.

— Андрей, — прошептала Надя. — Ты здесь? Ты правда здесь?

Никто не ответил.

Но когда она подняла глаза, ей показалось, что вдалеке, на самой линии горизонта, мелькнуло что-то тёмное. Как будто человек стоял на скале.

А потом исчез.

Надя встала. Отряхнула колени.

Побежала домой — писать ответ.

Той ночью она не спала до двух. Писала. Переписывала. Рвала. Начинала заново.

А на рассвете вышла на крыльцо и опустила бутылку в воду.

Море приняло её без звука.

Но Надя почему-то знала: письмо дойдёт.

И он ответит.

Как всегда.

Глава 5

Четверг начался как обычно.

Серое небо. Чай из маминой чашки. Дорога к магазину мимо домов, которые Надя уже знала наизусть — каждый выщербленный кирпич, каждую трещину в асфальте.

В книжном сегодня было особенно пусто. Светлана Петровна уехала к поставщику, оставив Надю одну. Тишина стояла такая, что слышно было, как пылинки падают на обложки.

Надя расставляла заказ — стопку дешёвых детективов, которые никто не купит. Работа механическая, почти медитативная. Руки двигаются сами, голова где-то далеко.

За горизонтом. На маяке. Рядом с Андреем.

Она не заметила, как пробил час дня. Не заметила, как съела обед, даже не вспомнив вкус. Её мысли были заняты одним: сегодня вечером она снова пойдёт на берег.

Но письма на крыльце не было.

Надя вернулась с работы, открыла дверь — и ничего. Пустая прихожая. Пустое крыльцо. Только ветер шевелил сухую травинку у порога.

— Может, завтра, — сказала она себе.

Села за стол. Открыла тетрадь. Решила писать первой — просто так, чтобы не сойти с ума от тишины.

«Андрей.

Сегодня нет письма. Я знаю, это глупо — расстраиваться из-за одного дня. Но внутри что-то сжалось. Будто ты замолчал навсегда.

Я понимаю, что мы не давали друг другу обещаний. Понимаю, что ты можешь не писать, если захочешь. Но пожалуйста, не молчи. Я слишком быстро привыкла к твоим словам. Слишком быстро — к тебе.

У меня есть телефон. Я могу дать тебе номер. Ты мог бы позвонить. Или написать. Это было бы проще, правда? Не надо ждать дни, не надо надеяться на море.

Но я не дам его. Не сегодня. Потому что боюсь. Боюсь, что если я услышу твой голос — настоящее, живое доказательство того, что ты есть — я перестану бояться. Или наоборот, испугаюсь ещё сильнее.

Андрей, скажи мне, что ты не исчезнешь. Пожалуйста.

Надя.»

Она сложила письмо, сунула в бутылку и вышла на крыльцо. В ее сердце рождалась надежда, медленно, как как падает зимой снег.

Было уже темно. Море чернело внизу — беззвучное, глубокое, похожее на огромную яму, куда можно провалиться и не всплыть.

Надя размахнулась.

И в этот момент — заметила.

На перилах, прижатая таким же камнем, как в прошлый раз, лежала бутылка.

Она не могла её пропустить, когда выходила. Не могла. Бутылка лежала прямо перед дверью, на самом видном месте.

Но её не было. Десять минут назад — не было.

— Как… — прошептала Надя.

Она оглянулась. Вокруг — пустота. Только луна вылезла из-за туч и осветила крыльцо бледным, неживым светом.

Надя схватила бутылку. Вытряхнула письмо.

Почерк — спокойный, красивый, но какая-то дрожь чувствовалась в каждой букве.

«Надя.

Не бойся. Я здесь. Я не исчезну. Даже если захочу — не смогу. Потому что ты теперь часть меня. Часть этого берега, этого маяка, этого бесконечного ожидания.

Ты предложила дать номер телефона. Я понимаю, почему ты этого хочешь. Голос — это больше, чем буквы на бумаге. Это дыхание. Это паузы между словами. Это то, что нельзя подделать.

Но я не могу взять телефон. Пойми. Моя связь с миром — это бутылки. Только они. И если мы перейдём на голоса, на сообщения, на что-то быстрое и простое — исчезнет магия. А может, и я исчезну. Не знаю, как объяснить. Просто чувствую, что так правильно.

Давай договоримся. Никаких телефонов. Только море, только бумага и терпение.

Ты говоришь, что боишься потерять меня. А я боюсь, что ты перестанешь мне писать, когда узнаешь обо мне больше. Не потому что я плохой. А потому что я… другой. Не такой, как ты.

Я не готов рассказать всё сейчас. Но я скажу. Когда-нибудь. Скоро. Обещаю.

А сегодня я хочу попросить тебя кое о чём.

Завтра утром выйди на берег не к своему дому. Иди на два километра влево, туда, где старые сваи торчат из воды. Там, на самой высокой свае, я оставил для тебя кое-что.

Иди одна. И не бойся.

Андрей.»

Надя перечитала последний абзац трижды.

«Там, на самой высокой свае».

Два километра влево. Она знала это место. Раньше там был старый пирс, который сломало штормом лет десять назад. Остались только ржавые сваи, торчащие из воды, как пальцы утопленника.

Она никогда туда не ходила. Слишком страшно. Слишком пусто.

Но сейчас — пойдёт.

Утром Надя не пошла на работу. Впервые за месяц. Она позвонила Светлане Петровне, сказала, что плохо себя чувствует (что было правдой — внутри всё дрожало), и вышла из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.